

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Попова М.Ю., Скворцова А.В. «Цветочная» символика в лирике Арсения Тарковского // Филология: научные исследования. 2025. № 1. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.1.72907 EDN: BXJJYO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72907

«Цветочная» символика в лирике Арсения Тарковского

Попова Мария Юрьевна

ORCID: 0009-0002-8407-4690

преподаватель; кафедра отечественной и зарубежной литературы; Московский финансово-промышленный университет "Синергия"

125190, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-т, 80 Е

✉ mashapopovafoto@gmail.com

Скворцова Анна Владимировна

ORCID: 0000-0001-6711-1301

кандидат философских наук

доцент; кафедра Гуманитарных и социальных наук; МИРЭА - Российский технологический университет

119454, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 78

✉ ierusalimgate@mail.ru

[Статья из рубрики "Символизм"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.1.72907

EDN:

BXJJYO

Дата направления статьи в редакцию:

29-12-2024

Аннотация: Предметом исследования данной статьи является «цветочная» символика, задействованная в лирике Арсения Тарковского (поэта, относящегося ко «вторичному течению» Серебряного века). В частности, особенно пристально рассматривается символика роз и сирени в его произведениях. Объектом кропотливого анализа являются избранные стихотворения Арсения Тарковского, Тэффи и Игоря Северянина. Отмечаются интертекстуальные связи лирики А. Тарковского с отдельными стихотворениями Тэффи и И. Северянина (поэтов непохожих, но объединенных эпохой

модернизма, в которую им пришлось жить и творить). Целью данного исследования является нахождение определенных закономерностей в упоминаниях цветочной символики Арсением Тарковским и других поэтов Серебряного века, установление интертекстуальных связей между ними, изучение отдельных черт, свойственных ментальности данного периода. В данной статье, исследующей "цветочную" символику лирики Арсения Тарковского, использованы сравнительно-исторический, интертекстуальный и мотивный методы исследования. Новизна исследования заключается в установлении интертекстуальных связей между лирикой А. Тарковского, в которых упоминается "цветочная" символика, со стихотворениями Тэффи и И. Северянина. Делаются выводы о том, что в поэзии Тарковского частотны упоминания роз и сирени. Они упоминаются в связи с феноменом воспоминания, припоминания, иногда даже «ложного», традиционно выражая переживания любовного характера. Розы обычно являются символом земной и небесной любви, полноты жизни, крайне редко являясь свидетелями последнего прощания лирического героя с возлюбленной. Сирень у А. Тарковского и И. Северянина также является проводником в хронотоп прошлого, оставаясь при этом и вполне конкретным чувственным образом, который явлен во всем великолепии, во всей осязаемости, а также символом первой любви. Помимо прочего, сирень имеет неожиданно схожие "световые" ассоциации у А. Тарковского и Тэффи. "Цветочные" упоминания роз и сирени имеют у всех указанных авторов двойную природу: осязаемо-чувственную, акмеистическую и символическую.

Ключевые слова:

Арсений Тарковский, Серебряный век, символизм, акмеизм, интертекстуальность, цветы, Тэффи, Игорь Северянин, роза, сирень

Несмотря на то, что многие исследователи вполне справедливо причисляют поэта Арсения Тарковского (1907-1989) к представителям Серебряного века, точнее, ко «вторичному течению» этого периода (так называется явление, выходящее за общепризнанные временные рамки определённого литературного течения), для этого поэта абсолютно нехарактерно частое для Серебряного века обращение к «цветочной» символике и к образу цветка вообще.

Проведем небольшое статистическое исследование. В книге Арсения Тарковского «Стихотворения и поэмы» (первой книге из серии «Тарковские. Из наследия», выпущенной в издательстве «Литературный музей»), содержится 1 (одно) упоминание боярышника, 4 (четыре) упоминания жасмина, 9 (девять) упоминаний роз, 1 (одно) – центифолии, 8 (восемь) упоминаний сирени, 1 (одно) упоминание шиповника, 1 (одно) упоминание яблоневого цвета, 3 упоминания цветов вообще.

В издании его же авторства «Стихотворения разных лет. Статьи, заметки, интервью», являющейся второй книгой той же серии, в поэтических текстах на 25-301 страницах содержатся всего 3 (три) упоминания гвоздик и 3 (три) – роз, 1 (одно) упоминание сирени и 1 (одно) упоминание цветка вообще.

Итак, общее количество «цветочных» упоминаний у Арсения Тарковского в издании, наиболее полно отражающем на сегодняшний день его наследие: 1 (одно) упоминание боярышника, 4 (четыре) упоминания жасмина, 12 (двенадцать) – роз, 9 (девять) упоминаний сирени, 1 (одно) – центифолии, 1 (одно) упоминание шиповника, 1 (одно) – яблоневого цвета, и всего 4 (четыре) раза этим поэтом упоминаются абстрактные

«цветы».

Сравним, например, с лирикой А. Ахматовой. Из приложения (таблицы), размещенного в статье исследователя Э. В. Пугачевой «Частотные характеристики растений в творчестве А. А. Ахматовой» [\[7\]](#), следует, что в ахматовском поэтическом мире розы упоминаются 33 раза (в три раза чаще, чем у А. Тарковского), а сирень – 11.

Также нам удалось проследить, что у Тэффи лишь в сборнике «Шиповник» в цикле «Белая сирень» сирень в различных контекстах упоминается 9 (девять) раз на протяжении 4 (четырёх) стихотворений.

Понаблюдаем за «цветочной» символикой поэзии еще одного поэта Серебряного века, пользовавшегося большой популярностью при жизни и даже избранного публикой в Политехническом музее 27 февраля 1918 года королем поэтов, – Игоря Северянина. По наблюдениям Е. Н. Матвеевой, «...наиболее важными для эстетической системы И. Северянина являются сирень (89 словоупотреблений), роза (58), лилия (37), фиалка (31), ландыш (30), вербена (вэрвэна) (20), жасмин (19), яблоня (19), незабудка (12), мимоза (11), черемуха (10), цитрусовые растения (10). Менее частотны мак, василек (9), ирис, маргаритка (8), хризантема, левкой, одуванчик, лен (7), лютик, душистый горошек, абрикос, акация (6), слива, подснежник, гиацинт (5), кактус, крокус (4), гвоздика, анемон, ромашка, клевер (3), тюльпан, цикламен, нарцисс, виктория, астра, чертополох, цикорий, колокольчик, вишня, кизил, гранат, магнолия, миндаль (2). Единичны употребления шиповник, анютины глазки, барвинок, вереск, дурман, азалия, георгин, флокс, эдельвейс, камелия, орхидея, гортензия» [\[5, 27\]](#).

Итак, как мы видим, нечасто появляющиеся в лирике А. Тарковского образы цветов показывают, насколько оригинальны средства художественной выразительности, задействованные автором. Уже в ранних своих стихах он неоднократно обращается к образу розы. Но, как присуще истинному поэту, он трактует этот образ нетривиально. Примером является стихотворение «25 июня 1935 года»:

Хорош ли праздник мой, малиновый иль серый,

Но все мне кажется, что розы на окне,

И не признательность, а чувство полной меры

Бывает в этот день всегда присуще мне [\[13, с. 34\]](#).

Ассоциативный ряд очевиден: розы здесь атрибут полноты жизни, они синонимичны ей, созвучны празднику. Эта гипотеза подтверждается следующим высказыванием Н. К. Рериха в его статье «Благоухание»: «Когда однажды меня спросили, какая разница между Востоком и Западом, я сказал: „Лучшие розы Востока и Запада одинаково благоухают“» [\[9, с. 286\]](#).

Как традиционный символ полноты жизни, как неотъемлемый элемент «райского сада» розы также показаны в стихотворении «Белый день» [\[13, с. 246\]](#).

Весьма любопытно появляющееся в последней строфе стихотворения «Игнатьевский лес», наполненного достаточно тяжёлым эмоциональным состоянием лирического героя, неожиданное и нетривиальное сравнение с розой клёна, который «небо... держит... почти у самых глаз»:

Все наше прошлое похоже на угрозу —

Смотри, сейчас вернусь, гляди, убью сейчас!

А небо ежится и держит клен, как розу, —

Пусть жжет еще сильнее! —

почти у самых глаз [\[13, с. 36\]](#).

Это пример искусного избегания Арсением Тарковским размещения розы в фокусе внимания читателя. Исследуемый нами автор весьма осторожно использует этот образ, очень скрытно использует символику этого цветка, прекрасно помня о частоте упоминания розы в многообразных контекстах самыми различными поэтами на протяжении всей истории человечества. В стихотворении «Переводчик» он открыто говорит об этом факте:

Розы сахаринной породы,

Соловьиная пахлава,

Ах, восточные переводы,

Как болит от вас голова [\[13, с. 74\]](#).

Еще один пример осторожного упоминания розы — стихотворение «Кактус»:

Что ему до воклюзского лавра

И персидских мучительниц-роз,

Если он под пятой бронтозавра

Ластовидной листвою оброс? [\[13, с. 62\]](#).

В этом стихотворении удивляет неожиданное противопоставление кактуса розам, которые, к тому же, характеризуются в качестве «мучительниц», что вполне вписывается общекультурного символика розы как совершенной красоты, к которой непросто подступить. В дальнейших строках стихотворения подчёркивается самооценность и сила такого, казалось бы, непривлекательного растения, как кактус, и его причастность к той сверхъестественной силе, которая «нам даровала/ И в могилах звучащую речь».

В неожиданном контексте, в качестве спутниц печали, розы предстают перед нами в стихотворении «Жизнь меня к похоронам...». При этом их сопровождает совершенно неожиданный, но весьма уместный в этой ситуации эпитет «никчемные»: «Несколько никчемных роз/ Я принес на отпеванье...» [\[13, с. 115\]](#). Розы, традиционно являющиеся символом полноты жизни, женственности, расцвета, здесь поневоле являются спутницами скорби и, как признается сам лирический герой, «ложного воспоминанья» о счастливых моментах совместного бытия, когда счастливые влюблённые люди едут в трамвае. На контрасте с этими розами, оттеняющими «ложное воспоминание»,

...И, за эту смерть в ответе,

Совесть плачет и дрожит,

Тщетно силясь хоть чуть-чуть

Сдвинуть маску восковую

И огласку роковую

Жгучей солью захлестнуть [\[13, с. 115\]](#).

Любопытно обращение поэта к образу сирени в стихотворении «Сирени вы, сирени...». Интересно, что хотя в России сирень культивируется с XVIII века, в русской поэзии, как рассказывает исследователь Е. А. Денисова, она не фигурирует, «...так как, по мнению Белоусова, символическое значение цветов в русской поэзии XVIII – начала XIX в. определялось европейской культурной традицией, где сирень не имела поэтического образа. Образ сирени появляется в русской литературе этого времени, но не закрепляется. В 50-е гг. XIX в. происходит перелом: сирень обретает популярность благодаря стихотворению В. Крестовского „Под душистою ветвью сирени“, которое знали в первую очередь как популярный городской романс» [\[3, с. 156\]](#). Но посмотрим внимательнее на стихотворение Тарковского, вернувшись к нему. В нем присутствует свойственное этому поэту нелинейное восприятие времени, переданное через «остранение» (по Шкловскому). Видя сирени, лирический герой одновременно пребывает и в пространстве «здесь и сейчас», и в хронотопе своей юности:

Осталось нетерпенье

От юности моей

В горячей вашей пене

И в глубине теней [\[13, с. 114\]](#).

В последующих строках лирический герой предчувствует наступление дождя, который «по гроздьям сизым/ покатится как ртуть» и, в итоге, стихотворение «закольцовывается», но не в прямом смысле, построчно, а на смысловом уровне, на уровне памяти:

Под вечер — ведро снова,

И, верно, в том и суть,

Чтоб хоть силком смычковый

Лиловый гуд вернуть [\[13, с. 114\]](#).

Сирень здесь — и абсолютно вещный, осязаемый, чувственный акмеистический образ, и символ первой любви. К тому же она предстает как сложный цвето-акустический образ. В этом проявляется сложная диффузия чувств, характерная для поэтического восприятия мира у Тарковского. Сирень в этом стихотворении здесь – и своеобразный проводник во времени.

Этот же цветок в схожем контексте появляется и в известнейшем стихотворении «Первые свидания»:

Свиданий наших каждое мгновенье,

Мы праздновали, как богоявление,

Одни на целом свете. Ты была

Смелей и легче птичьего крыла,
По лестнице, как головокруженье,
Через ступень сбегала и вела
Сквозь влажную сирень в свои владенья
С той стороны зеркального стекла... [\[13, с. 175\]](#).

Сирень присутствует в саду возлюбленной, которая в этом стихотворении Тарковского является воплощением самой Вечной женственности.

В лироэпической повести Арсения Тарковского «Чудо со щеглом» этот цветок сопутствует самой поэзии, которая показана в образе беззаботной девушки, а также чувству совершенной гармонии, счастья:

Искать поэзию не надо
Ни у других, ни в словарях,
Она сама придет из сада
С цветами влажными в руках...
<...> За йотой йота
Щебечет, как за нотой нота,
И что ни день –
Одна забота:
Сирень – жасмин,
Жасмин – сирень [\[13, с. 309\]](#).

Образ сирени используется и другими, более ранними поэтами, относящимися к Серебряному веку. У Тэффи, например, ей посвящен отдельный цикл «Белая сирень», впрочем, не являющийся самостоятельным, а вплетенный в более крупный цикл «Александрит», чья поэтика приближена к эстетике символизма. Особенно примечательно стихотворение «Я», лирическая героиня которого отождествляет себя с белой сиренью. По наблюдениям Е. А. Денисовой, «...у Тэффи сирень выступает в образе мирового древа, так как именно она задает параметры и правила» [\[3, с. 156\]](#). Любопытен здесь мотив света в описании сирени как метафоры человеческой души, души лирической героини:

Мой белый цвет — слиянье всех цветов,
И яды всех отрав — мое благоуханье!
Меж небом и землей, сквозная светотень,
Как пламень белый, я безогненно сгораю... [\[14, с. 31\]](#).

Цветущая сирень и у Арсения Тарковского тоже способна осветить мир, даже наполнить его теплом: «Столько было сирени в июне,/ Что сияние мира синело» [\[13, с. 278\]](#). И свет,

и тепло эти такого свойства, как заявляет лирический герой в стихотворении «Душу, вспыхнувшую на лету...»: «...Что судьба моя и за могилой/ Днем творенья, как почва, прогрета» [\[13, с. 278\]](#). Парадоксальным образом едины в пространстве этого стихотворения миры духовный и осязаемый, чувственно-акмеистический и двомирно-символический.

Сирень как символ первой любви и атрибут светлого воспоминания возникает также и в стихотворении Арсения Тарковского «Мне в черный день приснится...»:

Мне в черный день приснится

Высокая звезда,

Глубокая криница,

Студеная вода

И крестики сирени

В росе у самых глаз.

Но больше нет ступени —

И тени спрячут нас [\[13, с. 117\]](#).

В этих строчках примечательны именно «крестики сирени», в которых можно усмотреть реминисценцию к стихотворению Игоря Северянина «С крестом сирени» (1913 г.):

Цветы лилово-голубые,

Всего в четыре лепестка,

В чьих крестиках мои бывшие

Любовь, отвага и тоска! [\[10, с. 222\]](#).

И у Северянина, и у Тарковского крестики сирени – символ ушедшей в прошлое глубокой любви, вспыхивающей вновь при мысленном воспроизведении этого яркого зрительного образа.

В этом стихотворении у Тарковского сирень является еще и спасительным образом:

Что с нами ни случится,

В мой самый черный день,

Мне в черный день приснится

Криница и сирень,

И тонкое колечко,

И твой простой наряд,

И на мосту за речкой

Колеса простучат [\[13, с. 117\]](#).

Примечательно, что это стихотворение обращено к первой любви поэта – умершей в молодом возрасте Марии Фальц. Ей же адресовано другое стихотворение, в котором фрагментарно, в виде символа-метафоры возникает уже не сирень, а снова розы – «Все ты ходишь в платье черном...»:

Сколько ты мне снов развяжешь,

Только имя назови

Вспомнишь обо мне — покажешь

Наяву глаза свои.

Если ангелы летают

В куполах ночных церквей,

Если розы расцветают

В темной горнице твоей [\[13, с. 381\]](#).

Здесь розы одновременно и вещно-конкретны, акмеистично-чувственны, и воспринимаются в качестве символа вечной любви, Вечной Женственности. Интересно здесь также обращение к теме воспоминаний о былой любви, о своеобразной попытке поэта-Орфея войти в диалог со своей Эвридикой. Относительно упоминания цветов в поэзии А. Тарковского совершенно справедливо наблюдение исследователя С. А. Манскова: «Строительство художественного мира осуществляется лирическим субъектом из настоящего времени. Из настоящего же времени осуществляется же выход в прошлое и будущее» [\[4, с. 63\]](#). Таким образом, поэтическое сознание Тарковского всеобъемлюще, оно странствует не только в мире, но и во времени.

Подводя итоги, можно прийти к выводам, что особенно частотны в поэзии, Арсения Тарковского, несмотря на весьма осторожное и редкое использование этим поэтом «цветочной» символики», упоминания роз и сирени. Они нередко появляются в фокусе нашего внимания в связи с феноменом воспоминания, припоминания, иногда даже «ложного», при этом обычно не находятся в фокусе внимания, а сопровождая определённые события, чаще всего являясь свидетелями переживаний любовного характера. Розы в поэзии Тарковского чаще всего являются вполне традиционным для отечественной культуры символом земной и небесной любви, полноты жизни, также иногда сопутствуют прощанию лирического героя с возлюбленной (иногда последнему). Они практически всегда упоминаются в необычном контексте и имеют двойную природу: осязаемо-чувственную, акмеистическую и символическую. Сирень тоже является для лирического героя стихов Арсения Тарковского проводником в хронотоп прошлого, при этом также являясь и вполне конкретным чувственным образом, который явлен во всём великолепии, во всей осязаемости, а также символом первой любви. Интертекстуальный анализ текстов показывает аналогичное прочтение символики сирени в поэзии И. Северянина и Тэффи.

Библиография

1. Бак Д. П. Малые циклы Арсения Тарковского: творческая история и эдичионные принципы. // Вопросы литературы. 2021. № 5. С. 151-165.
2. Будникова Ю. Ю., Маточкин Е. П. Тайна «Тайны розы». // СПб: Труды СПбГУКИ. 2014. С. 48-56.

3. Денисова Е. А. Образ цветка сирени как часть растительной символики в сборнике стихотворений Тэффи «Семь огней» / Е.А. Денисова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2018. № 17(2). С. 55-163.
4. Мансков С. А. Художественная система Арсения Тарковского: мир как культура. // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета. 2004. № 4-2. С. 61-66.
5. Матвеева Е. Н. Реализация предметных и эстетических значений в функциональносемантическом поле флористики в поэзии Игоря Северянина // Вестник ВятГУ. 2008. № 4. 26-30 с.
6. Погорелая, Е. А. 10 стихотворений Арсения Тарковского: связь времен в XX веке. URL: <https://prosodia.ru/catalog/shtudii/10-stikhotvorenii-arseniya-tarkovskogo-svyaz-vremen-v-xx-veke/> (дата обращения: 29.12.2024).
7. Пугачева Э. В. Частотные характеристики растений в творчестве А. А. Ахматовой // Материалы XV конференции по философии техники и технетике и семинара по ценологии (Москва, 19 ноября 2010 г.). Вып. 47. «Ценологические исследования». М.: Технетика, 2011. 400 с. URL: <http://www.kudrinbi.ru/public/30511/index.htm>
8. Резниченко Н. А. «От земли до высокой звезды»: Мифопоэтика Арсения Тарковского / Наум Резниченко. – Нежин – Киев: Издатель Н.М. Лысенко, 2014. 272 с.
9. Рерих Н. К. Листы дневника: в 3 т. М.: Междунар. Центр Рерихов: Бисан-Оазис, 1995. Т. 1. С. 286.
10. Северянин И. Собрание сочинений: в 5 т. / сост. В.А. Кошелева, В.А. Сапогова. СПб.: Logos, 1995. Т. 1. 592 с.
11. Силантьева М. В. Истина и время в русской поэзии XX века: Арсений Тарковский / М.В. Силантьева // Что есть истина?: тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции (г. Махачкала, 6-7 сентября 2013 г.) / под общ. ред. д.ф.н., проф. М.И. Билалова. Махачкала: Издательство ДГУ, 2013. С. 48-52.
12. Тарковский, А.А. Стихотворения разных лет. Статьи. Заметки. Интервью. М.: Литературный музей. 2017. 608 с.
13. Тарковский А. А. Стихотворения и поэмы. М.: Литературный музей. 2021. 512 с.
14. Тэффи Н. А. Семь огней. СПб.: Шиповник, 1910. 120 с.
15. Энциклопедия русского авангарда. URL: <https://rusavangard.ru/online/history/ostranenie/> (дата обращения: 29.12.2024)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена «цветочной» символике в лирике Арсения Тарковского. Отмечается, что хотя Арсения Тарковского (1907-1989) относят к представителям Серебряного века, для него не свойственны частые обращения к образу цветка, однако «эти нечасто появляющиеся в лирике А. Тарковского образы показывают, насколько оригинальны средства художественной выразительности, задействованные автором». Личность Арсения Тарковского и творчество этого выдающегося мастера художественного слова, языковое своеобразие и неповторимость его стихотворений привлекают внимание многих исследователей, при этом еще немало аспектов в его авторской картине мира («поэтическое сознание Тарковского всеобъемлюще, оно странствует не только в мире, но и во времени») остаются неизученными. Всё это подтверждает актуальность предмета исследования. Теоретической основой работы явились труды таких российских ученых, как Н. К. Рерих,

Е. А. Денисова, С. А. Мансков, Н. А. Резниченко, М. В. Силантьева, Ю. Ю. Будникова, Е. П. Маточкин, Д. П. Бак и др., посвященные творчеству Арсения Тарковского и «цветочной» символике. Библиография насчитывает 12 источников, соответствует специфике рассматриваемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. В то же время основная часть (теоретический обзор), по мнению рецензента, недостаточно раскрыта.

Методология проведенного исследования носит комплексный характер. С учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы использованы общенаучные методы анализа, синтеза, сопоставления и обобщения, метод концептуального анализа и анализа поэтического текста, элементы компонентного и интертекстуального анализа. Принимая во внимание тот факт, что для поэта нехарактерно частое обращение к «цветочной» символике, видится целесообразным подтвердить этот довод статистически, в том числе в сравнении с другими поэтами Серебряного века. Однако это замечание носит рекомендательный характер.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) подробно рассмотреть случаи обращения автора к образам розы и сирени и прийти к выводу о том, что «они нередко появляются в фокусе нашего внимания в связи с феноменом воспоминания, припоминания, иногда даже «ложного», при этом обычно не находятся в фокусе внимания, а сопровождая определённые события, чаще всего являясь свидетелями переживаний любовного характера», причем розы «чаще всего являются вполне традиционным для отечественной культуры символом земной и небесной любви, полноты жизни, также иногда сопутствуют прощанию лирического героя с возлюбленной (иногда последнему). Они практически всегда упоминаются в необычном контексте и имеют двойную природу: осязаемо-чувственную, акмеистическую и символическую», а сирень «является для лирического героя стихов Арсения Тарковского проводником в хронотоп прошлого, при этом также являясь и вполне конкретным чувственным образом, который явлен во всём великолепии, во всей осязаемости, а также символом первой любви».

Теоретическая значимость и практическая ценность работы заключаются в том, что она вносит вклад в теорию описания идиостиля А. А. Тарковского, расширяя представление о его авторской картине мира, о специфике его обращения к «цветочной» символике, а также в возможности использования ее результатов в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по истории русской литературы XX века и русской поэзии Серебряного века.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Исследование выполнено в русле современных научных подходов. Стиль изложения материала соответствует требованиям научного описания.

Тем не менее, объем материала слишком мал для раскрытия темы. Автору(ам) необходимо его расширить (возможно, за счет обзорной части). Обращаем внимание, что рекомендуемый редакцией объем составляет 12-50 тысяч знаков.

Статья вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема рецензируемой работы достаточно интересна и актуальна; автор обращает внимание на поэтическую флористику в лирике Арсения Тарковского. Исследований в данном русле не так много, следовательно, сочинение имеет определенную научную новизну и значимость. Текст работы выстроен с учетом жанра научного изыскания, базовый блоки работы соразмерны, хотя четкого деления на фрагменты нет. Отмечу, что статью отличается конструктивная погруженность автора в тему, манифестированную проблему. Комментирующие блоки статьи вариативны: это и информативный тип, и аналитический, и статистический. Например, «несмотря на то, что многие исследователи вполне справедливо причисляют поэта Арсения Тарковского (1907-1989) к представителям Серебряного века, точнее, ко «вторичному течению» этого периода (так называется явление, выходящее за общепризнанные временные рамки определённого литературного течения), для этого поэта абсолютно нехарактерно частое для Серебряного века обращение к «цветочной» символике и к образу цветка вообще», или «Сравним, например, с лирикой А. Ахматовой. Из приложения (таблицы), размещенного в статье исследователя Э. В. Пугачевой «Частотные характеристики растений в творчестве А. А. Ахматовой» [7], следует, что в ахматовском поэтическом мире розы упоминаются 33 раза (в три раза чаще, чем у А. Тарковского), а сирень – 11», или «Итак, как мы видим, нечасто появляющиеся в лирике А. Тарковского образы цветов показывают, насколько оригинальны средства художественной выразительности, задействованные автором. Уже в ранних своих стихах он неоднократно обращается к образу розы. Но, как присуще истинному поэту, он трактует этот образ нетривиально. Примером является стихотворение «25 июня 1935 года» и т.д. На мой взгляд, цель исследования достигается поэтапно, при этом автор не исключает контекст, а наоборот, старается соблюсти принцип компаративизма. Сравнительно-сопоставительный тон и конкретизирует использование «цветочных» вариаций А. Тарковским. В работе достаточное количество цитаций, сами текст А. Тарковского иллюстрируют объективность заявленных исследователем тезисов. Основные требования издания учтены; серьезной правки текста не требуется. Стиль соотносится с научным типом: «Примечательно, что это стихотворение обращено к первой любви поэта – умершей в молодом возрасте Марии Фальц. Ей же адресовано другое стихотворение, в котором фрагментарно, в виде символа-метафоры возникает уже не сирень, а снова розы – «Все ты ходишь в платье черном...» и т.д. Итоги работы созвучны основной части. Автор отмечает, что «особенно частотны в поэзии, Арсения Тарковского, несмотря на весьма осторожное и редкое использование этим поэтом «цветочной» символики», упоминания роз и сирени. Они нередко появляются в фокусе нашего внимания в связи с феноменом воспоминания, припоминания, иногда даже «ложного», при этом обычно не находятся в фокусе внимания, а сопровождая определённые события, чаще всего являясь свидетелями переживаний любовного характера...». Думаю, что материал уместно использовать в школьной, вузовской практике, при изучении лирики Арсения Тарковского. Список источников достаточен, формальный грей выдержан. Тема рецензируемой работы раскрыта, точка зрения автора конкретизирована; рекомендую статью ««Цветочная» символика в лирике Арсения Тарковского» к открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования» ИД «Nota Bene».